

A young girl with two braids, wearing a white dress, stands between two birch trees. She is looking out over a calm lake towards a dark, stormy sky where a bright lightning bolt is striking. The scene is captured in a cinematic, slightly desaturated style with soft lighting.

Марина Федагина

Истоки

Анна

Марина Федагина

Истоки

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Истоки / М. А. Федагина — «Автор», 2026 — (Анна)

Иногда корни уходят глубже, чем мы готовы признать. Берёзы учили её слушать без слов. Озеро звало в глубину и она боялась утонуть. Гроза очищала и она ждала молнии как ответа. Старец сказал «терпи» и она не поняла, зачем. В этой книге Анна впервые остаётся наедине со своей болью. Вторая книга трилогии «Анна». Первая - "Некого ждать".

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стёклышки	5
Глава 2. Берёза	7
Глава 3. Озеро	9
Глава 4. Гроза	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Федагина

Истоки

Глава 1. Стёклышки

Петербург, 1971 год.

Аннушка жила в трехкомнатной квартире на Васильевском проспекте. Отец постоянно пропадал на заводе. Мать работала там же бухгалтером. Они любили друг друга еще со школьной скамьи.

Аннушка была первым ребёнком. Они заботились о ней — кормили, одевали, водили в цирк. Перед сном мама читала книжку. Папа покупал игрушки. Особенно она любила куклу с настоящими волосами и посудку для неё.

Но Анна чувствовала одиночество. Она любила сидеть у окна и смотреть на Неву. Она ждала. Чего — сама не знала.

Однажды бабушка привезла ей необычный подарок из деревни. Это была большая коробка из-под конфет, перетянутая лентой.

— Открой, — сказала она внучке.

Анна удивилась тому, как это было сказано. Глаза бабушки смеялись.

Она открыла коробку и захлопала в ладоши от радости. Внутри переливались осколки стекла. Разноцветные - синие, как небо над озером, зелёные, как лес за деревней. Красные, как закат над рекой, жёлтые, как солнце сквозь берёзовую листву.

— Где взяла? — спросила мать.

— Разбилась ваза у соседки. Я собрала. Девочки любят играть со стеклышками.

Отец усмехнулся:

— Игрушки из мусора. Ну, бабуля...

Но Анна уже не слушала. Она высыпала осколки на подоконник. Разложила по цветам. Взяла синий кусочек и приложила к глазу.

И увидела мир, где всё светится изнутри. Где нет теней, а только свет. Где время течёт медленнее. Где кто-то зовёт её по имени.

Она опустила стеклышко. Вздохнула.

— Что видишь? — спросила бабушка тихо.

— Дом, — ответила Анна. — Мой дом.

Бабушка перекрестилась. Не сказала ничего.

С тех пор стеклышки стали её тайной. Она прятала их в коробку из-под спичек. Носила в кармане. Доставала, когда оставалась одна.

Смотрела через синее стекло и чувствовала покой, как у озера. Через зелёное стеклышко она слышала шёпот леса. Через красное — ощущала тепло, как от костра. Через жёлтое стеклышко — видела свет, как от солнышка.

Однажды отец принёс ей детскую подзорную трубу с пластиковыми линзами.

— Смотри на корабли, — сказал.

Она посмотрела. Внутри красные, синие, зелёные стеклянные кусочки складывались в узор.

И в тот миг вспомнила как жила среди света без тела, без имени, без боли. Там все были едины. Там не было одиночества.

Она отложила трубу. Заплакала.

— Что случилось? — испугалась мать.

— Ничего, — сказала Анна. — Просто... мне там лучше.

Мать переглянулась с отцом. Отец пожал плечами:

— Фантазёрка. Как всегда.

В школе ей дали кличку Каркуша за её предсказания.

Началось всё с того, что она сказала Тане: «Завтра у тебя собака щенка принесёт». Наутро появился щенок. Таня удивилась.

Потом Серёжа упал с дерева. Анна за два дня до этого сказала: «Серёжа, не лезь на яблоню». Он полез и упал, сломав руку.

На уроке труда: «Маша, иголку не бери в рот». Маша засмеялась. Через час скорая стояла у крыльца школы, иголка в желудке.

Дети стали сторониться.

— Каркуша, — шептали за спиной. — Сейчас накаркает.

Учительница вызвала родителей:

— Девочка странная. Говорит вещи... непонятные.

Отец ответил коротко:

— Воображение. Перерастёт.

Но по дороге домой взял Анну за руку и наклонился к её лицу.

— Не говори им ничего, — сказал тихо. — Поняла? Молчи.

Она кивнула. И впервые почувствовала, что отец боится за неё. Это было ближе к любви, чем всё остальное. Но не любовь.

Однажды Лена, сестра, которой тогда было год, упала с дивана. Ударилась головой. Заплакала.

Мать и отец бросились к ней. Оба склонились над малышкой, пытались успокоить.

Анна стояла в углу наблюдала за случившимся. И вдруг почувствовала боль Лены, как будто ударили её.

Она подошла и положила ладонь на лоб сестры. Боль ушла. Лена перестала плакать и улыбнулась Анне.

Отец посмотрел на неё. Не сказал «спасибо». Не обнял. Просто кивнул. Но в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. И впервые Анна подумала: *может, он меня видит.*

Вечером она достала коробку со стеклышками. Разложила на подоконнике. Посмотрела через синее стекло на Неву. И вдруг поняла: она не отсюда.

Её дом за цветным стеклом. Там, где нет одиночества. Где кто-то ждал её и ждёт до сих пор. Она не знала тогда кто это.

Не знала, что через двадцать четыре года она увидит его голубые глаза, как это стеклышко, и узнает тот дом.

Не знала, что он станет для неё тем, кем не смог быть отец. Не знала, что любовь, которую она искала, придёт к ней в чёрной ризе и скажет одно слово:

«*Терпи, дочь моя.*»

Но в тот вечер, глядя через синее стеклышко на серую Неву, шестилетняя Анна прошептала:

— Я найду тебя.

И где-то далеко за цветным светом Кто-то улыбнулся.

Глава 2. Берёза

В пятницу вечером Аня с родителями подъезжали к деревне Васильево. Она сидела сзади, прижимая к груди пакет с пряниками, конфетами «Мишка на Севере» и апельсинами. Сумка с её вещами лежала в багажнике. Каждое лето она проводила в деревне с бабушкой.

Мать обернулась:

— Бабушка ждёт. Веди себя хорошо. Мы будем приезжать по выходным.

Отец молча вёл машину. Иногда бросал взгляд в зеркало.

Бабушкин дом стоял на краю деревни. Он был деревянный с резными наличниками и палисадником, где цвели ромашки и ноготки. За домом росли две высокие берёзы, стройные, с белыми стволами и серёжками, что трепетали даже без ветра.

В эту пятницу Анна подбежала к первой берёзе ещё до того, как отец выключил двигатель.

Положила ладонь на кору. Она была тёплая. Тепло шло изнутри. Как будто дерево дышало. Она прижалась щекой к стволу. Закрыла глаза и почувствовала как тепло входит в неё через кожу, растекается по телу, наполняет грудь.

— Ты меня ждала? — прошептала она.

Листва зашелестела.

— Я тоже, — сказала Анна.

Она не удивилась. Не испугалась. Просто знала, что так бывает. Деревья говорят.

Бабушка вышла на крыльцо с полотенцем в руках.

— Аннушка! Руки помой, щи есть будем!

Анна не двинулась. Стояла у берёзы, прижавшись лбом к коре.

И услышала сквозь шелест:

Иди. Мы будем ждать тебя завтра.

Она отступила. Посмотрела на дерево. Берёза стояла немая, как всегда. Но Анна *знала*: это не было воображение.

— Иду, — сказала она дереву. И пошла к дому.

Бабушка встретила у крыльца:

— Чем там занималась?

— С берёзой разговаривала.

Бабушка не рассмеялась. Не сказала «фантазёрка». Просто кивнула:

— Берёза добрая. Она тебя не обидит.

И добавила тихо, почти шёпотом:

— Только соснам не доверяй. Они другие.

Рано утром в субботу бабушка собралась за грибами.

— Пойдём со мной? — спросила Анну.

Девочка кивнула. Она любила гулять по лесу среди деревьев.

Они шли по тропе. Бабушка впереди, с корзиной. Анна шла следом, считая шаги. На опушке бабушка остановилась:

— Тут собирать буду. Ты не уходи далеко.

Анна кивнула.

Перед ней стояли высокие сосны с корой как чешуя. Между ними, в просветах плясал солнечный свет.

Она шагнула внутрь и засмеялась. Сосны окружили её. Ветки покачивались в такт её смеху. Она прыгала между стволов, касалась коры, кружилась и чувствовала: они играют с ней. Не молчат, как берёзы. Поют. Тихо, на своём языке, но она слышала.

Аня села на мох. Прислонилась к сосне и закрыла глаза. И вдруг пение птиц прекратилось, наступила полная тишина.

Она открыла глаза.

Между деревьями мелькнула тень. И в этой тени вспыхнули красные глаза. Она не вскрикнула. Не побежала. Просто поняла: туда нельзя.

Встала и пошла, не оглядываясь, обратно к опушке.

Бабушка ждала у тропы. Посмотрела на неё и ничего не спросила. Просто взяла за руку:
— Пора домой.

Вечером, лёжа в постели под ватным одеялом, Анна думала о лесе. О берёзах — тёплых, как мать. О соснах — живых, как друзья. О тени с красными глазами.

И подумала: мир не един. Есть светлый. Есть тёмный. И между ними — узкая тропа. По ней можно идти, если знать направление.

Осенью она вернулась в город. Всё как прежде.

Но ночью в комнате что то изменилось. Она лежала в кровати. Свет выключили. И тогда они появлялись. Красные глаза. В углу комнаты. Светящиеся. Смотрят и чего то ждут.

Аня спряталась под одеялом. Зажмурила глаза и зашептала:

— Уйдите. Я не боюсь.

Но боялась. Никому не сказала. Ни матери, ни отцу, ни бабушке. Понимала: это её битва. Её тайна. Как разговоры с деревьями.

Она научилась молчать. Держать внутри. Говорить без слов.

Много лет спустя, стоя в храме у правой стены, она поднимет глаза и встретит его взгляд.

Он за аналоем, в чёрной ризе. Она в сером платке. Между ними десять шагов. Толпа прихожан. Дым ладана.

Они не скажут ни слова. Но *узнают* друг друга. Как узнают родной голос в темноте.

И Максим, стоя рядом, вдруг обернётся и скажет тихо:

— Вы досмотритесь друг на друга.

Анна не ответит. Потому что будет слушать — не ушами, а душой. И слышать то, чего не слышал никто:

Я ждал тебя.

Я тоже.

Это будет их язык. Язык без слов. Язык, который она выучила в семь лет у белых берёз, в шелесте листвы, в тепле коры.

Тогда она не знала кого ждёт. Но деревья знали. И шептали ей каждое утро:

Он придёт. Подожди.

Глава 3. Озеро

Озеро лежало за лесом. Чтобы дойти до него, нужно пройти через сосновый бор, перейти ручей по гнилому бревну, спуститься по косогору, заросшему крапивой. Бабушка говорила:

— Туда не ходи. Озеро глубокое. Дно илистое. Утонешь, никто не услышит.

Но Анна ходила. Каждую субботу после обеда, когда бабушка дремала на лавке под окном, она уходила. Просто вставала из-за стола и шла к двери.

— Куда? — спрашивала бабушка, не открывая глаз.

— К берёзам.

Бабушка кивала. Знала, что не к берёзам. Но не спорила. Как будто понимала: девочка идёт туда, куда должна.

Озеро было чёрным. У берега росли кувшинки, чьи листья лежали на поверхности, как ладони, обращённые вверх. Но в центре — чёрная бездна. Ни отражения неба. Ни солнечных зайчиков. Просто тьма.

Анна садилась на камень у самой кромки. Снимала босоножки. Опускала ноги в воду. Холод обжигал. Как будто вода всасывала тепло из тела. Но она не вынимала ноги. Сидела. Смотрела вглубь.

И видела движение. Там, внизу кто-то был. Не человек. Не зверь. Озеро медленно и глубоко дышало. И с каждым вдохом звало её.

Иди, — шептало без слов. — *Иди ко мне.*

Она наклонялась. Вода подступала к коленям. К бёдрам. Сердце колотилось от *желания*. Хотелось лечь. Раскинуть руки. Погрузиться в эту чёрную тишину. Раствориться. Перестать быть Анной. Стать водой.

Ноги сами тянулись вперёд. Один шаг. Второй. Вода до пояса. Холод сжимал грудь. Лёгкие отказывались дышать.

Ещё, — шептало озеро. — *Ещё немного.*

И тогда появлялся страх. Страх смерти. Чистый, животный. Как будто тело вспомнило: ты должна жить. Ты не имеешь права уйти.

Она отступала. Выходила на берег. Падала на траву. Задышалась. Плакала без слёз.

Почему? — спрашивала себя. — *Почему я хочу туда?*

Однажды бабушка нашла её у озера. Не кричала. Не ругала. Просто села рядом на тот же камень. Посмотрела в чёрную воду.

— Знаешь, что говорят старые люди? — спросила тихо.

Анна молчала.

— Вода, как жизнь. Может напоить. Может утопить. Зависит не от воды. От того, как к ней подойдёшь.

— А что там, на дне? — спросила Анна.

Бабушка долго молчала. Потом:

— Кто-то. Или ничего. Но если ты *чувствуешь*, что там кто-то ... значит, он есть. Для тебя.

— Он зовёт меня.

— Зовёт. Но не все зовы к добру. Некоторые зовут, чтобы забрать.

— А как понять?

— Сердцем. Если после зова остаётся тепло — иди. Если холод — беги.

Анна посмотрела на воду. Вода молчала. Но тяга осталась.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Бойся, — сказала бабушка. — Страх не слабость. Страх умнее смелости.

Она больше не подходила к кромке.

Сидела на камне на расстоянии вытянутой руки. Смотрела в глубину. Слушала зов. Но не поддавалась. И поняла: вода двойственна.

Утром, когда солнце касалось поверхности, вода давала силу. Анна сидела часами — и чувствовала, как тревоги уходят, как тело становится лёгким, как будто её тоже несут волны.

Вечером, когда тени удлинялись, вода становилась врагом. Холодной. Жадной. Готовой проглотить и не выпустить.

Так и любовь, — подумала она однажды. — Может согреть. Может утопить. Зависит не от любви. От того, как к ней подойдёшь.

Ей было восемь. Она ещё не знала, что это пророчество.

Много лет спустя, в пятьдесят лет, её поведут на регрессивный гипноз.

Лежа с закрытыми глазами, она увидит: скала над океаном. Ветер в волосах. Мужчина у края обрыва. Его лицо не видно, но она *знает*: это он. Отец Сергей, но без рясы. Он протягивает руку.

— Иди, — говорит. — Мы вместе.

Она делает шаг. Ещё один. И бросается в пучину. Как будто вода — дом.

Когда она откроет глаза в кабинете гипнолога, тот скажет:

— Ваш страх глубины и высоты отсюда. Вы умерли в воде. Добровольно.

Она не ответит. Потому что *знает*: не умерла. Вернулась. Чтобы пройти тот путь снова, но иначе. Не броситься. Пройти *рядом*. Не раствориться. Остаться *собой*.

А тогда, в восемь лет, она просто вставала с камня и шла домой. К берёзам. Они ждали её — белые, стройные, с ветвями, протянутыми навстречу. Она обнимала ствол. Прижималась щекой к коре.

Ты не одна, — шелестела листва. — Мы с тобой.

И она верила. Потому что берёзы не звали её в бездну. Они *держали* её.

Как много лет спустя он будет держать её душу, не притягивая к себе, не растворяя в себе. А давая ей *остаться* собой до конца.

Глава 4. Гроза

За два часа до грозы Анна *чувствовала* её всем своим телом. Вставала с кровати — беспокойная, как кошка перед дождём. Бегала по дому из угла в угол. Бабушка качала головой: — Гроза будет. Ветер с юга.

Анна не отвечала. Она *знала*. В груди прилив энергии, как будто кто-то включил свет внутри. Сердце билось чаще. Руки дрожали. Хотелось выйти. Встать под открытое небо. Подставить лицо первым каплям.

Это было *ожидание*. Как будто гроза несёт ей что-то. Кого-то. И она должна быть готова.

В тот день ей было девять. Утро выдалось душным. Солнце палило сквозь марево над полями. Бабушка варила малиновое варенье — густое, с пеной на краях кастрюли. Анна сидела на лавке и считала минуты.

К полудню небо резко потемнело. Холодный ветер ворвался в окно. Бабушка перекрестилась:

— Свят, свят, свят...

Анна вскочила.

— Куда? — окликнула бабушка.

— На улицу.

— С ума сошла? Сейчас молния ударит!

Но Анна уже бежала босиком через сени. Выскочила на крыльцо.

Мир изменился. Небо чёрное, с фиолетовыми прожилками. Тучи надвигались, как горы. Ветер рвал бельё с верёвки, гнул берёзы до земли. Первая капля упала ей на лоб — крупная, тёплая.

Она стояла на крыльце. Смотрела вверх. И *ждала*.

Гром ударил над лесом. Прямо над головой прошёл раскат, от которого задрожали стёкла в окнах. Анна не вздрогнула. Не закрыла уши. Подняла лицо к небу.

И крикнула:

— Бога нет!

Слова хриплые от волнения прорезали гул грозы.

— Если Он есть, пусть убьёт меня сейчас!

Второй раскат. Ближе. Молния вспыхнула над соснами. Анна не отступила. Стояла и кричала в чёрное небо:

— Убей! Убей меня! Если ты есть — докажи!

Бабушка выскочила из дома. Схватила её за плечи. Тряхнула не больно, но крепко.

— Молчи, глупая! — закричала сквозь гром. — Молчи, пока не поздно!

Анна замолчала. Смотрела на бабушку широко раскрытыми глазами.

Бабушка опустила на колени, прямо на мокрые доски крыльца. Схватила внучку за руки. И заговорила быстро, шёпотом, сквозь зубы:

— Молю тебя, Господи... Прости глупость девичью... Не ведает, что творит... Прости ей, Господи, прости...

Слёзы текли по её щекам, смешивались с дождём. Она целовала руки Анны. Крестила лоб. Шептала молитвы не книжные, а из сердца.

Анна стояла и чувствовала Присутствие. Там за тучами — Кто-то. Не злой. Не добрый. Просто видящий. Как будто небо раскрылось на миг, и Она увидела: Тот, Кто стоит за всем этим — за грозой, за молнией, за её криком — смотрит на неё.

Я вижу тебя, — говорила тишина между раскатами. — Я всегда видел.

Она не испугалась. Она узнала. Как узнают родной голос в темноте. Как узнают дом после долгой дороги. Это было не верой. Не надеждой. Это было *памятью*. Как будто она *жила* там, за тучами, до того как родилась.

Молния не ударила. Гром стих. Дождь пошёл ровный, спокойный. Как будто гроза сказала всё, что хотела.

Бабушка встала. Взяла Анну за руку. Повела в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.